

№ 38

Школьники Йафи' просят тебя, Абу Хасан,
чтобы перо отличалось от заточки мечей.
Знание — наша цель на все времена,
несмотря на разруху, которая [царит] в школах и классах.

№ 39

О, делегация, скажи разумным людям,
в школе две тысячи учеников, о, маршал!
Нехватка кадров в школах — это проблема:
[всего] два учителя, а третий — директор.

№ 40

О, говорящие «лучше бы Саддам покончил собой,
или вместе со своими сыновьями встретил тот же конец»!
Сказал ал-Вакили: Не ругайте судьбу,
весь арабский народ пленник Америки!

№ 41

Я уже ничего не говорю и ничего не могу сказать,
потому Саддаму пришел конец, и стал он пленником.
А президенты и короли — никто ничего не знает:
они ведь были на вечеринке у зятя Шарона!

Библиография

Долинина А.А. Предисловие // Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы. М., 1983.

Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов (VI-VIII вв.) // Очерки истории арабской культуры V-XV вв. М., 1982.

Монроу Дж.Т. Устный характер доисламской поэзии // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978.

Родионов М.А. Поэт в системе властных отношений: Полевой материал из Хадрамаута (Йемен) // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.

Суворов М.Н. Аль- 'Урр и Самар чествуют гостей. Праздничная поэзия из Йафи' (Йемен). СПб., 2003.

Caton S. "Peaks of Yemen I summon": Poetry as a cultural practice in a North Yemeni tribe. University of California, 1990.

Е.Н. Успенская

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ В БРАХМАНИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В характерном для индуизма осмыслении устройства мира с глубокой древности существует понимание системности мироздания. Это свойство

выводится из активного начала мира — Брахмана. Одновременно есть глубокое понимание, что свойство системности не зависит от того, как мы, люди, сможем увидеть и описать закономерности системы мироздания («Небо отражается в тысяче горшков с водой, и если горшок разбивается, небо остается на своем месте»).

По учению брахманских идеологов, доминантой всей осмысленной деятельности человека должна быть сингармония тому, что называется в этой культуре *дхарма*, закон мироздания.

В индуизме, как известно, нет какого-либо одного «истинно верного пути», ортодоксального учения. Но, хотя общая структура системы «индуизм» выглядит неорганизованной, в ней есть внутренняя логика, основанная на концептуальном единстве ее составных частей, одинаково признающих базовые понятия и представления, унаследованные от ранних пластов духовных исканий и получившие глубокое развитие в философских системах индуизма. Дхарма — основной мировоззренческий концепт индуизма. Индуизм практически осмысляется и реализуется в виде дхармы, это религия дхармы, что отражено в оригинальном, не-европеизированном ее названии: *дхарма*, *вайдик* (букв. «ведическая») *дхарма*, *санатана* (букв. «существующая с незапамятных времен») *дхарма*, или *хинду дхарма*. Обычно слово *дхарма* переводится как «закон, обязанности, справедливость, религиозный долг», но может быть истолковано как «основа жизни», «закон мироздания», так как связано с корнем *дхри-дхар* («держат»).

Исключительно многокомпонентное понятие «дхарма» определяет санкционированные и верифицированные индуизмом в лице брахманских идеологов феномены общественной и духовной жизни, которые в конечном счете призваны сохранять и воспроизводить стабильный миропорядок, дхарму как «закон» мироздания. Тем самым дхарма — код брахманической культуры и ее вечная традиция. Это вся та необходимая и достаточная информация, которая позволяет человеку быть индуистом. К компетенции дхармы можно отнести моральные правила, этические нормы, религиозные верования, культовые практики, обряды и традиции, суеверия, мифы, магические ритуалы, нормы этикета и поведения, общественные предписания и запреты, которые призваны противостоять разрушительным тенденциям, грозящим системе изнутри и извне. Индуизм как дхарма — это совокупность освященных религией правил и установок, соблюдение которых («закон») объявляется необходимым для поддержания миропорядка; этот миропорядок драматическим образом нарушается, если компоненты мироздания нарушают гармонию мира, не осознавая и не соблюдая своей дхармы. Дхарма — это специфическое понимание закона структурирования космоса и ноосферы, в котором каждый бесконечно большой и ничтожно малый элемент находится на своем месте и движется строго по предназначенным для них орбитам жизни.

Не включенный в индуизм наблюдатель воспринимает учение о дхарме как многослойное, вселенских масштабов явление духовной жизни, в

котором уровни философского осмысления почти не находят соприкосновения с повседневной практической жизнью индустра. И, напротив, многие авторы, которые идут от изучения индийской деревни, от ритуалов, обрядовой практики, бытового жизнеустройства индуистов, не находят в их религиозном быту видимого влияния тех великих шести философских систем *шаддаршана*, которыми восхищаются интеллектуалы мира.

Между тем индуизм и моделируемый им кастовый строй не существуют один без другого и развивались одновременно и совместно в процессе складывания «пространства дхармы», каковое из первоначальной Арьяварты раздвинулось до естественных пределов Индийского субконтинента и даже шире, в Юго-Восточную Азию. В этом движении реализовались заложенные в брахманическом учении социально-моделирующие потенции, которые придают ему характер системообразующей идеологии. Социальная концепция индуизма представлена в учении *чатурварнашарама дхарма* (дхарма четырех варн и четырех стадий жизни), которая легла в основу брахманической идеологии касты. Человеческое общество осмысляется в этой системе представлений как естественный компонент космического миропорядка, и деятельность каждой джати (касты) и каждого человека должна быть направлена на его поддержание: у каждого компонента мироздания, в том числе у каждой человеческой джати, своя дхарма (свадхарма), и она должна неукоснительно выполняться — только тогда Мировой Закон торжествует.

Брахманическая теория общества строится на том, что дхарма предполагает такой социальный строй, при котором все общественные и экономические функции и обязанности распределены между специализированными по роду занятий группами людей (кастами), и такой порядок вещей сакрализован. Концепция четырех варн известна не только как традиционная брахманическая схема сингармоничного дхарме общественного устройства, она легла в основу научной трактовки касты. Здесь сыграло свою роль влияние брахманической элиты на формирование общественного мнения о касте, некритично воспринятое английской школой этнографии и унаследованное ее преемниками и продолжателями. Хотя известно, что некоторые направления индуизма не принимают концепцию *варнашарама дхарма*, например, тантрические традиции отвергают ее именно потому, что она является неотъемлемой принадлежностью брахманской идеологии [Flood 1996: 58].

Гладкое, без шероховатостей и неожиданностей взаимодействие составных частей общества, как считается, гарантирует его благополучие и, кроме того, способствует поддержанию гармонии во всей Вселенной. Часто цитируется изречение: «Дхарма (закон), когда он не соблюдается, — губит и разрушает, а когда он соблюдается, он защищает. Поэтому дхарма не должна нарушаться, а иначе, нарушенная, она уничтожит нас» [Законы Ману 1989: 8.15]. Таковое возможно лишь на основе осмысленного,

разумного, основанного на знании, поведения, характерного для рожденного в качестве человека существа.

Отраженный в брахманическом концепте дхармы структурный принцип можно, по-видимому, соотнести с теми закономерностями и связями, которые описываются фрактальной геометрией и теорией комплексов самоподобных структур. Эти современные научные представления, в частности, объясняют поразительное сходство образов физической модели Вселенной и физической модели строения атома как отражающее единый принцип структурирования элементов мироздания. Элементы мироздания предстают как синергические системы со сложной нелинейной иерархией. В этом мире время циклично, причинно-следственные связи не столь очевидны, и разумным выглядит иное понимание сущностных начал жизни: рационального и иррационального, власти и отношений между людьми, отношений между человеком и природой и т.д.

Брахманическая философия строится на том, что свойства мироздания и присущие ему закономерности наилучшим образом отражены в Слове, то есть в Писании, и, что то же самое, в звучащем Слове и даже его графических символах. Не только потому, что человеческие знания вообще вербализованы или потому что уже сами размышления, как отвлеченные, так и вполне практически направленные, были бы невозможны без слов, без языка. Брахманическая философия видит здесь особенную связь, особенную зависимость между вербализованным знанием Вед и гармонией мира. Говоря об этой связи, Макс Мюллер отмечал, что слова *брихаспати* и *брахман* однокоренные, что говорит о связи между идеями Создателя и Слова, а сама эта мысль восходит к эпохе до создания Вед [Muller 1919: 397].

Важны не только глубинные смыслы Слова и отдельных слов или то, что музыка сфер и ритмы Вселенной слышны в звуках речи, а красота мироздания отражается в графических символах письма. Важен язык санскрит (букв. «обработанный, улучшенный, окультуренный») как показатель приобщения к культуре дхармы.

Санскрит — феноменальный язык; являясь в своей лингвистически-нормативной форме результатом гениального прозрения и труда древнеиндийского грамматиста Панини (IV в. до н.э.) и его последователей, он не только системно структурирован сам, он структурирует мысль, понятия и системы понятий. Индийская научная систематика и классификация основаны на грамматической систематике Панини, и любые таксономические ряды разъясняются по типу известной всем образованным брахманам и хорошо понятной им лингвистической систематики.

С глубинным пониманием закономерностей и функциональных связей в мире информационных полей связаны феноменальные успехи древней индийской математики. «Научное изложение почти всегда выливалось в санскритском языке в метрическую форму, поэтому для каждого почти понятия было необходимо иметь целый ряд синонимов, чтобы всегда можно было выбрать слово, удобно укладывающееся в стих. Все математические понятия, а также и цифры, имеют целую массу синонимов,

установленных на основании каких-нибудь ассоциаций, например, слово «глаз» обозначает цифру два, а слово «время года» обозначает цифру четыре. В одном из древнейших наших источников нуль носит название пустоты, т.е. он обозначается тем же самым словом (шунья), которое приблизительно в ту же самую эпоху служит в одной из буддийских систем для обозначения понятия предела по отношению к относительности и переменчивости всего эмпирического мира <...> В области математики достижения индийцев являются наивысшими среди древних народов. Им же весь цивилизованный мир обязан изобретением нашей системы цифр, столь несправедливо до сих пор называющихся арабскими. Давно настало время вернуть им их настоящее название индийских» [Щербатской 1962: 269–270].

Понятийный ресурс брахманического знания, имеющий отношение к культуре и «окультуриванию», строится на осмыслении того исторического факта, что кастовое общество инкорпорировало в себя путем санскритизации («окультуривания») племенную периферию Индийского субконтинента и даже многочисленные завоевательные орды. Антитеза «натугра — культура» (*пракрити — санскрити*) разработана брахманической наукой издревле, и основанные на этом концепте социальное учение и технология практического его воплощения составляют доминанту деятельности элиты индийского традиционного общества, брахманов и кшатриев, на всем протяжении его истории в мире противопоставления культурных *арья* и подлежащих окультуриванию всевозможных *мlechха*.

Оказывается, однако, что графически модель индийского общества может быть представлена не как остроконечная пирамида линейной иерархии, как это следует из концепции Л. Дюмона [Dumont 1988], а как система концентрических кругов. В центре этой системы находится «солнце» ведической культуры в лице сообщества брахманов, окруженное периферическими все менее и менее санскритизированными слоями разнородного, многоэтничного инокультурного населения, включенного в не-брахманские варны кастового общества, и даже оставленные за его пределами как «неприкасаемые». В этих орбитах движутся множество «астероидов» и малых планет индийской культуры, и каждая сохраняет свою самость («собственная дхарма», *свадхарма*), но неумолимо поддается притяжению Веды и брахманического знания.

Идея о фрактальности культуры (*свадхарма*), принятая брахманами за данность, делает ненужной унификацию компонентов по степени «окультуренности». Полнота дхармы зависит от варны человека. Брахману предписывалось практиковать всю ее, кшатрию — на 3/4, вайшью — на 1/2, и шудра довольствовался 1/4 знания (Махабхарата, Шанти Парва, 34, 32–3. Цит. по: [Flood 1996: 280]). Таким образом, дхарма всегда адресна, и связанное с нею знание строго конкретизировано и дозировано. При традиционной системе социализации в сообществе индуистов объем знаний конкретного человека не зависит от его личных способностей: он получает

ровно столько информации о том, как устроен мир, сколько брахманы отмерили той варне, к которой человек принадлежит.

Божественное Откровение Вед, литература *шрути* («услышанное», знание) и *смирити* («вспомненное», традиция), *веданга* и *веданта* — брахманы, араньяки, упанишады, шраута-сутры и грихья-сутры — выстраиваются в довольно строгую композиционную закономерность. Считается, что эта закономерность хронологическая. Однако и эту систему можно рассматривать как самоподобную структуру.

Веда и вообще литература шрути на санскрите представляет собой тип тайного знания для рафинированных брахманов, и это ядро культуры, квинтэссенция духовного развития. На удаленной периферии мира индуистской культуры стоят низкие касты и предназначенные для них театрализованные представления бродячих артистов на эпические и мифологические сюжеты, даваемые на местных языках и диалектах, и они служат для этого слоя кастового общества каналом получения знаний из источника индуизма. Пураны с их мифическими историями о чудесах святых и божественных персонажей читаются знатоками текстов в храмах или около них по определенным праздникам. Большая часть пуран написана в шестистрочных стихах, и каждая строфа разъясняется отдельно, и поэтому на чтение текста из 6–12 тысяч строк уходит много недель. Так выглядит освоение космологии и метафизики индуизма в «народном индуизме».

Да и сами праздники строго структурированы: у брахманов это ритуал у алтаря длиной в жизнь, у всех остальных каст в соответствии с их дхармой количество ритуала у алтаря все уменьшается, и увеличивается количество ритуала у «рабочего станка». Не-брахманские касты обеспечивают материальные основания жизни.

Хорошо известны схемы: четыре Веды, четыре варны, четыре стадии жизни, четыре пути спасения и т.д. Это мир соврожденных предопределенностей, когда, родившись в высокой варне, человек выполняет ее дхарму, в которую включено обучение Веде.

Способы передачи брахманической информации также подчинены действию принципа дхармы — каждому свое. Брахманы начинают изучение текстов Вед с момента принятия священного шнура дваждырожденных. Будущие жрецы зазубривают тексты наизусть, и их наставники озабочены точным произнесением слов и правильными интонациями и ритмикой. Знатоки брахманических наук — шастри — напротив, учатся в особых школах, запоминают немного, но учатся анализировать, и должны освоить грамматику, риторику, теорию поэзии, логику и философию. Эзотерическая традиция, представленная тантрами и большей частью ведантами, разработана широко и глубоко, представлена выдающимися именами. Какие-то фрагменты этой традиции известны очень широко, но как организованное целое она передается внутри особых сект и аскетических орденов. Изучающий ее должен пройти довольно долгий период подготовки и особый обряд посвящения [Ingalls 1958: 209–211].

Градации уровней доступности знания очень дробная, и параметры «дозволенности» очень разнообразны, но общая ситуация такова, что лишь брахманы могут знать, как устроен этот мир.

Эта огромная тема рассмотрена здесь в первом приближении, как информация к размышлению о том, что мы сами далеко не всегда воспринимаем брахманическое знание адекватно. Сообщество индуистов является очень закрытым, а культура его имеет столько степеней защиты от «взлома», что необходимо учитывать те принципы, в результате действия которых мы во многих случаях оказываемся лишь на самых отдаленных подступах к объекту исследования.

Библиография

Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича, пров. и испр. Г.Ф. Ильиным. М., 1989.

Щербатской Ф.И. Научные достижения древней Индии // Избранные труды русских филологов-индологов. М., 1962.

Dumont L. Homo Hierarchicus: The Caste System and its Implications. Complete Revised English Edition. Delhi, 1988.

Flood G. An Introduction to Hinduism. Cambridge, 1996.

Ingalls D. The Brahman Tradition // Journal of American Folklore. Vol. 71. N 281. July-September 1958.

Muller M. The Six Systems of Indian Philosophy. London, 1919.

Е.Г. Царева

КУРТКА ХАНУМАНА: ДРЕВНЕЙШАЯ ВОРСОВАЯ ТЕХНИКА ИНДИИ?

В собрании памятников материальной культуры населения Индийского субконтинента отдела Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН особое место занимают коллекции А.М. и Л.А. Мервартов, собранные в 1914-1918 гг. и поступившие в музей в 1924 г.¹ Составленные собирателями по тематическому принципу, коллекции содержат ряд уникальных комплексов, одной из раритетных частей которых являются костюмы и другие атрибуты театра Катхакали, коллекция № 3090, насчитывающие 122 номера — 164 предмета. Названный комплекс изучался исследователями индийской культуры практически с момента поступления коллекции, т.е. на протяжении уже почти ста лет; ему посвящена интереснейшая статья самого А.М. Мерварта [Meerwart 1926], написаны специальные работы сотрудников МАЭ РАН²; на материалах комплекса также построен один из разделов экспозиции «Народы Южной Азии» музея (рис. 1).